

СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ

ПИСЬМА ГЕРЦЕНУ ПОЛЬСКИХ ДЕМОКРАТОВ

С. ВОРЦЕЛЯ, А. ГУРОВСКОГО, Г. ДЕМБИНСКОГО,
Т. ЛАПИНСКОГО, И. ЛЕЛЕВЕЛЯ, Л. МЕРОСЛАВСКОГО,
Ц.-К. НОРВИДА, Ю.Б. ОСТРОВСКОГО,
Р. РАЧИНСКОГО, Ю. ЦВЕРЦЯКЕВИЧА и В. ЧАРТОРЫСКОГО

Публикация Л.Р. Ланского^{91*}

Вступительные заметки и комментарии В. и Р. Сливовских (Варшава)

Ц.-К. НОРВИД

Циприан-Камиль Норвид (1821–1883) – выдающийся польский поэт, прозаик, драматург, художник и скульптор. В 1849 г. он поселился в Париже, где встречался с Герценом, Прудон, Бакуниным, И.С. Тургеневым, Мицкевичем, Шопеном. Норвид не принадлежал к какой-либо партии и, являясь противником буржуазного строя, отрицал, тем не менее, революционное насилие; все свои надежды он возлагал на постепенную историческую эволюцию и моральное усовершенствование. В декабре 1852 г. Норвид уехал в Америку и пробыл там полтора года. Болезнь, непрекращающаяся нужда и тоска по родине довели его до психической депрессии. Следы ее явственны в публикуемом письме, написанном в приступе отчаяния. Было ли оно отправлено и был ли получен ответ Герцена – неизвестно.

Финансовая помощь князя М. Любомирского помогла Норvidу выбраться из постылой ему страны; в июле 1854 г. он был уже в Лондоне. Встречался ли он там с Герценом, не установлено. Позицию Герцена и Огарева в польском вопросе до и после восстания 1863 г. Норвид не одобрял, о чем заявил в памятной записке о задачах польской прессы, написанной им по просьбе посланника польского Национального правительства в Англии (см. C. N o r w i d. Pisma wybrane, t. IV. W., 1968, s. 482).

При жизни Норвид признан не был, терпел крайнюю нужду и умер в приюте Св. Казимежа для польских сирот и ветеранов в предместье Парижа. Только в XX в. он приобрел почетную известность как писатель-новатор, психолог и гуманист.

Письмо печатается по ксерокопии с автографа PAN (Варшава). Впервые опубликовано Ж. Пшесмыцким на языке оригинала в кн.: C. N o r w i d. Pisma do dziś odszukane, t. VIII. W., 1937, s. 149–153. Несколько строк из письма процитировано в русском переводе М.Я. Поляковым (“Огонек”, 1962, № 14, с. 10); другой фрагмент – в 1963 г. (Проблемы... 370–371). Полностью русский перевод публикуется здесь впервые.

Перевод с французского:

(Нью-Йорк. Декабрь 1853 г.)¹

Милостивый государь,

Обстоятельства, заставляющие меня написать вам это письмо, настолько исключительны, что самое письмо покажется вам неожиданностью... Начинаю с того, что фамилия моя Норвид и что я имел удовольствие быть вам представленным у госпожи Гервег на улице Cirque, № 10 в 1848 и 49 гг.; что я имел честь входить в число ближайших друзей этого дома, посещавшегося тогда лицами, более или менее из-

^{91*} Все публикуемые письма перевел с французского (одно с английского) Л.Р. Ланский.

вестными своими либеральными тенденциями и трудами². У меня как у деятеля совсем мало заслуг, но высшим порядком вещей предопределено было, что мне придется принять на себя часть *неблагоприятных* обстоятельств, которыми отмечено было либеральное дело, поскольку я был, так сказать, последним из приемных детей истинных солдат свободы.

– Это звание (значение которого мне, надо сказать, известно) недостаточно заметно, чтоб оно могло предоставить мне помощь каких-либо организаций, и вот почему мне надобно укрыться под сенью воспоминаний о прежних знакомствах и личных связях.

– Надеюсь – верю и почти убежден: вскоре все, что только есть молодого среди тех, кто эмигрировал в Америку, вынуждено будет сблизиться с Европой... Никто из нас, в своих нравственных глубинах не может рассматривать это положение (даже самое выгодное) как нечто устойчивое... и вовсе не вследствие растительного чувства *филопнеизма*^{92*} который столько раз смешивали с *патриотизмом*, а вследствие чувства долга, призывающего нас не только к идее, но и к *corpus delecti*^{93*} этой идеи, к месту, даже к самой арене борьбы. Никто из нас никогда не станет без всяких усилий свободным и, следовательно, не сможет даже *целиком* располагать своей энергией, если предварительно не добьется независимости, – а независимость для страны или для человека – это лишь оценка зависимости, это лишь ее осуществление на деле.

– Вот почему нет ни малейшей возможности достичь независимости путем промышленной и коммерческой деятельности, вот почему труд может процветать и быть свободным лишь у независимой нации, ибо запас энергии, приобретенной в борьбе, служит затем основанием и краеугольным камнем для храма процветания... Страны, не наслаждающиеся независимостью, прислали на Всемирную выставку³ лишь немного изделий, а между тем это страны, наиболее приспособленные к развитию коммерции и промышленности вследствие богатств сил и сырья. Вот о чем и славяне имеют совсем не те представления нежели другие, более счастливые народы, – их представления о Национальности – вовсе не геральдические забавы, это абсолют и побудительная причина их последующей деятельной силы на иных поприщах. Никто из этих “бедняков”, на которых богатые мира сего смотрят, как на тупиц, а представители порядка, теоретики смотрят, как на людей, лишенных здравого смысла, – никто из них никогда не способен будет затеять какое-нибудь коммерческое предприятие, спекуляцию, промышленное дело и вести его благоприятным образом... почему же? Это, в сущности говоря, люди, нравственность которых подтверждена их жертвами и лишениями, которых приучили к тяжкому, весьма тяжкому существованию, – почему же не предположили они заняться каким-либо прибыльным промыслом? Это, извольте ли видеть, вопрос (извините за выражение), *вопрос, непостижимый не только для богатых златом, но и для богатых умом*, – уввы! я полагаю, что народ, который достиг такой степени развития национальности, что уже воспринимает социальный вопрос во всем его объеме, – это народ, противоположный всем остальным, и что национальность его, начиная с песчинки и кончая разумом и интуитивными способностями, должна рассматриваться как общее социальное знамя, – что национальность его, наконец уже очистилась от случайных предрассудков, – что она свята – не в том смысле, который отличает ее от других, а в том, что простирает ее ниц пред Всемогущим, обнимая воедино все дело страждущего человечества. Вот, милостивый государь и брат, это вещи неизвестные и которые, быть может, не могут быть поняты народами, чья независимость уже произвела гармонию, а гармония произвела уже наслаждение, а наслаждение это является для них тем, чем для нас является страдание. Отправляясь от этой точки зрения, нам и свободному, законно счастливому и законно наслаждающемуся народу чрезвычайно трудно будет понять друг друга. Говорю вам это заранее, дабы ознакомить вас с на-

^{92*} любви к стране (от *греч. philo* и *франц. pays*).

^{93*} совокупности признаков (*лат.*).

шим положением и нашим бессилием в Америке, – говорю вам, что

Независимость производит
энергию *труда*, производит
гармонию, производит
наслаждение

.....

Отсутствие независимости производит
небрежение трудом, производит
дисгармонию, производит
мученичество

.....

Теперь благоволите сочетать наслаждение с мученичеством!

И все же человек – человек.

Вот, милостивый государь и брат, что будете вы видеть каждый раз, когда речь пойдет о соучастии Америки в наших интересах, то есть нашей незаинтересованности.

Отмечаю для вас несколько пунктов на стратегической карте идеи и духа в том деле, которое касается этих местных отношений.

Прошу вас также поверить мне заранее, насколько развитие этого заслуживает и насколько необходимо мне доверие ваше к тому, что представляет собой главную суть письма.

Я позволил бы себе даже сказать вам нечто большее и заблаговременно, что и сама того не зная, Америка станет скорей на сторону самодержавия, ибо, говорю вам это заблаговременно, что, сама того не зная, она до этого будет доведена общей системой своего развития. Я говорю не о людях, ибо говорю о политике, – люди, быть может, порой и будут против, – но какое это имеет значение? – я говорю о том, что они могли бы сделать, а не о том, что их противопоставило бы бездействию, – ибо вы знаете, что противопоставление бездействию – еще не действие, – а между тем время не медлит.

Вот, милостивый государь и брат, общая картина нашего нынешнего и нашего будущего бессилия в Америке.

Американцы всегда будут великодушны и щедры по отношению к Кошуте, но только беда может заставить Кошута⁴ укрыться здесь.

Итак, – после всего сказанного – особенно я, последний из приемных детей истинных солдат свободы, не считаю, что смогу найти возможность приложить свои силы и свою жизнь к общему делу путем размышлений об исполнении своего долга к своим ближним.

– На помощь Европы я уже не рассчитываю, поскольку письма оскверняются всякого рода тайными полициями.

– Не могу я слишком рассчитывать и на свое искусство, которое едва дает мне возможность сводить концы с концами... – У меня нет уже моих весьма богатых и весьма влиятельных друзей – с той поры, как я вознамерился разделить нищету с побежденными, я не в состоянии – как уже говорил вам – найти общий язык с теми, кто рассматривает пропаганду как стоящее дело.

И вот мне пришла в голову мысль попросить вас, вас, русского, вас, мало занятого делами, – мне пришла в голову мысль попросить вас не забыть обо мне в случае, если вам будет возможно, благодаря некоторым связям, *облегчить мне переезд отсюда в Англию, – где я попытался бы перейти на надлежащее поле деятельности...* Ваши связи обширнее, чем мои, ваши идеи я до известной степени разделяю – впрочем, прошу вас лишь не забыть об этом обращении откровенной души, искреннего друга свободы и поляка. – Мой адрес: Через посредничество Централизации⁵. Привет.

Ц. Норвид

¹ Дата установлена Ю.В. Гомулицким, знатоком творчества Норвида и издателем его произведений (см.: C. N o g w i d. Pisma wszystkie. W., 1971, s. 174).

² В салон Эммы и Г. Гервегов Норвида ввел приятель Герцена К.-Э. Хоецкий. Здесь Норвид и познакомился с завсегдатаями этого салона – Герценом и И.С. Тургеневым, а также с многочисленными представителями немецкой и французской революционной демократии.

³ Всемирная выставка 1853 г. в Нью-Йорке. Норвид работал на этой выставке в качестве художника-оформителя.

⁴ Л. Кошут в 1848 г. стоял во главе Венгерской революции; в 1849 г. руководил борьбой Венгерской республики против австрийских и царских войск.

⁵ Местом пребывания Центриализации (Главного управления Польского демократического общества) с 1849 г. был Лондон, куда после поражения революции 1848 г. переехала из Парижа большая часть этой организации. Членами Центриализации в это время были С.-Г. Ворцель, А. Жабицкий и Л. Зенкович.

С.-Г. ВОРЦЕЛЬ

Станислав-Габриель *Ворцель* (1799–1857) – выдающийся деятель левого крыла польского национально-освободительного движения, социалист-утопист, политический эмигрант, главный редактор газеты “*Demokrata Polski*” – органа Польского демократического общества. Герцен познакомился с ним в 1847 г. в Париже и тесно сблизился после переезда в Лондон. Он высоко ценил Ворцеля и как человека, и как страстного пропагандиста польско-русского революционного союза. Перу Ворцеля принадлежит восторженная статья о Герцене “Революционные идеи в России”, появившаяся в брюссельской газете “*Nation*” (1853, № 319 и 320, 13 и 14 XI). Проникновенный некролог “Смерть Станислава Ворцеля” был напечатан Герценом в “Полярной звезде на 1857 год” и затем выпущен отдельной брошюрой на французском языке (XII, 437–443). О трагической судьбе Ворцеля подробно рассказывается в “Былом и думах” (XI, 131–149; ср. XX, 293–294); см. также книгу: B. L i m a n o w s k i. Stanisław Worcell. W., 1947.

По словам Герцена, Ворцель помогал ему самым деятельным образом в создании Вольной русской типографии. Типография эта вначале была объединена под одной кровлей с типографией Центриализации. Печальные подробности о расприх и противоречиях между окружением Ворцеля и Герценом, вызвавших необходимость разделить обе типографии, изложены в “Былом и думах” (XI, 142–143).

Письма печатаются по фотокопиям с автографов *BPUG*. Впервые опубликованы М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в ААН, 259–269.

Перевод с французского:

1

Суббота, утро, 16 декабря 1854 г.
35, Hunter Street, Brunswick Square

Любезный друг,

Мы не сразу ответили на ваше письмо к Жабицкому¹, так как нам надобно было сначала посоветоваться по этому вопросу, гораздо более важному на деле, чем кажется. Если бы речь шла лишь о расчленении и разделе обеих типографий, а также о переводе вашей в другое помещение, то все это не имело бы особого значения, не вызвало бы затруднения и отнюдь не повлекло бы за собой отсрочки, ибо что касается помещения, то пять шиллингов квартирной платы в неделю не могли бы стать поводом для сколько-нибудь серьезных возражений; хранение же под рукой шрифтов вашей типографии для нас несущественно – и потому, что мы ими не пользуемся, и потому, что не извлекаем из них материальной выгоды. Есть, однако, другое соображение – нравственной, общественной значимости; соображение, в одинаковой степени охватывающее наше польское дело, так же как ваше русское дело, или, верней, наше общее польско-русское дело; соображение, которое берет верх над всеми другими соображениями вследствие нынешних событий² и того громкого отзвука, который мы вместе придали нашим взаимоотношениям. То, что было единожды так решено и провозглашено³, не должно было и не могло быть когда-либо расторгнуто без важных и весьма важных побуждений общественного характера. Скажем вам искренне, ибо искренность – это долг, особенно между друзьями, поскольку это долг